

Нина Релина

Нина Валериановна Релина родилась в 1922 в г. Реж Свердловской области. В 1939 с отличием окончила среднюю школу и поступила в Свердловский горный институт. В 1941, после начала войны, с третьего курса добровольно ушла защищать Родину. Окончила краткосрочные курсы радистов и в декабре уже работала на радиостанции в Москве. Стала радистом первого класса 87-го отдельного полка связи войск ПВО, помощником командира взвода. Прошла дорогами войны до Прибалтики. Победу встретила под Вильнюсом. После окончания войны выбрала журналистскую стезю, сотрудничала в газетах Свердловска, Режа, Тувы. В 1959 участвовала в I Всесоюзном съезде журналистов.

С 1963 живёт на Дальнем Востоке. Работала в газетах «Коммунар» (Уссурийск), «Красное знамя» (Владивосток), «Амурская правда» (Благовещенск), была инструктором и помощником заместителя председателя Амурского облисполкома. Член Союза писателей России, автор пяти поэтических, двух сборников песен, книги прозы «Молодость военная моя». Почётный гражданин Благовещенска, автор текста гимна города.

■ Стихи. Рассказ

ОБЩАЯ БЕДА

Вновь сводки, как с полей сраженья.
Оставлены, покинуты селенья.
И жители бегут, куда — не знают,
Всё, что нажито, в доме оставляют.

Откуда же пришла напасть такая?
Нет, в этот раз не вражья стая,
Не с дальних стран в дома пришла беда —
На нас потоком хлынула вода.

Обрушилась с небес воды завеса.
Там, где была недавно кромка леса,
И света белого, и леса не видать —
Теперь бескрайняя речная гладь.

Амур взбесился, всё сметая на пути.
Бурхановка, что «курам перейти»,
И ручейки, и крохотные речки
Слились, ломают и мосты, и печки.

Дома плывут, как детские игрушки.
На подоконнике — болотные лягушки.
На чердаках, на крышах в страхе — люди.
Спасутся ли? И что с их домом будет?

Беды такой не видел белый свет
Не сто, не двести, — может, тыщу лет.
Но мчат на помощь пострадавшим
Неделями страдающим, не спавшим
Из ближних, дальних городов,
Чтоб людям дать питание и кров.

...А на другом краю планеты
Ревут моторы, снаряжаются ракеты,
Взорвать хотят над миром тишину
И развязать всемирную войну.

Очнитесь, люди! Мы в одном ковчеге.
С него не спрыгнешь, не спасёшься в беге.
Командой общей можно плыть вперёд.
Ведь и на Марсе нас никто не ждёт.

Лишь вместе всем и в дружеской беседе
Решать, куда мы в будущем поедем.
По счастью, пока ещё не вечер,
Спасать нам надо род наш человеческий.

Сентябрь 2013

ЗИМА ВЕРНУЛАСЬ

Вчера сороки у ирги на ветке
Трещали, как весёлые соседки:
— Ну наконец-то миновали стужи,
На солнцепёке появились лужи,
И можно свеженькой воды напиться,
Теплом повеяло — и есть где прокормиться!

Пришла весна... А ночью запуржило,
Дороги замело, запорошило.
И снег, густой, пушистый, новогодний,
Засыпал и кусты, и подворотни.
Метёт метель и ночью, и с утра.
Ну где ж она, весенняя пора?

В укрытия попрятались сороки.
И почему душа опять в тревоге?

Неужто снова к нам зима вернулась?
А может быть, Земля так повернулась,
Что снег и холод будут круглый год?
Быть может, сдвинулись мы задом наперёд?

Увы, пока бессилён человек.
Не может изменить планеты бег,
Но ей вредит. А женщина капризна
И преподносит людям катаклизмы.

2013

Горбач

(Исповедь вора)

Это было в середине пятидесятых годов уже отгремевшего двадцатого столетия. Я работала тогда в Кызыле, в редакции газеты «Тувинская правда».

...Жаркий летний день. Сухой зной стоит над городом, расположенном в самом центре Азиатского материка. В такие дни мы обычно сидим в кабинетах босиком, да ещё время от времени наливаем под ноги на пол холодную воду. Так было и в этот день. Редактор обошёл кабинеты, с улыбкой спросил:

— Ну что, изнываете? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Так сбегайте, охолонитесь!

Так бывало нередко. Все свободные от срочной работы журналисты, как птицы с насестов, вспархивали со своих мест и шумной гурьбой устремлялись к Енисею, благо до него чуть больше квартала. Здесь, в верховьях, вода и в тридцатипятиградусную жару холодная, течение бешеное. И короткое купание возвращает силы, бодрость.

Почти весь небольшой коллектив редакции умчался на Енисей. У меня была срочная работа, поэтому я с лёгкой завистью проводила взглядом своих коллег и уткнулась в бумагу.

В дверь кабинета кто-то неуверенно постучал. «Войдите!» — громко сказала я.

Я ещё дописывала фразу, когда посетитель уже вошёл в кабинет. Он вошёл как-то неловко, одним плечом, словно ему что-то мешало. Я бросила на него взгляд и оторопела. Кого угодно могла я ожидать в редакционном кабинете. Но — Горбача?.. Я мысленно пожалела, что не ушла со всеми на Енисей, пожалела, что мой напарник по кабинету в командировке. Но ничем не выдала своего волнения и как можно спокойнее сказала:

— Проходите! Садитесь!

Он сел напротив меня, посмотрел мне в глаза. Взгляд его был каким-то неопределённым, с неестественным блеском.

— Вы меня знаете? — спросил он.

— Да, в общем-то, знаю, — ответила я. И это была правда. В городе его знали все.